
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РОССИЙСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ – ВЕЧНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ

Монахова И. Р.

журналист, литературовед, член Союза писателей России.

E-mail: imonahova@list.ru

Российский менталитет рассматривается как фактор развития современного российского общества. Развитие менталитета является необходимым условием эффективного развития общества, которое должно в большей степени, чем сейчас, практически соответствовать, во-первых, своей идеологии, имеющей религиозные (христианские) корни, и, во-вторых, вообще идеологии христианского мира (частью которого Россия до сих пор остается), тем более что эта идеология одновременно является и идеологической основой глобализации.

Ключевые слова: менталитет, христианство, Россия, Запад, народ, ценности, человек, личность, духовность, нравственность.

The Russian mentality is examined as a factor of modern Russian society development. The development of mentality is a necessary condition for successful development of society, that should more than now correlate, first, to its own ideology having religious (Christian) roots and, second, to the ideology of Christian world in general (a part of which Russia still remains), the more so as this ideology simultaneously is also an ideological basis of globalization.

Keywords: mentality, Christianity, Russia, West, people, values, human, individual, spirituality, morality.

Каждая эпоха находит свои пути движения в будущее. Каждое новое поколение создает свои способы усовершенствования российской жизни. При этом время от времени обращается внимание на нравственный уровень современного общества. Действительно, внешние преобразования (реформы, революции) не решают главной проблемы – совершенствования самого человека. А без этого они не будут эффективны. Каким образом изменить этот нравственный уровень (а значит, и менталитет) к лучшему? Когда-то бытовал «моральный кодекс строителей коммунизма», теперь большие надежды возлагаются на возрождение Православия. Религия имеет прямое отношение к этому вопросу. Покаяние – по-гречески «метанойя», то есть буквально «изменение ума», «перемена образа мыслей». А без покаяния (то есть внутреннего изменения к лучшему) нет и лучшего пути в будущее. Перемена образа мыслей – это, по существу, изменение менталитета.

* * *

Многочисленные разнообразные реформы последних, то есть постсоветских, лет коснулись, казалось бы, всего и вся, однако не навели на мысль о реформировании или хотя бы желательности изменения главной составляющей жизни. Это, конечно, не политика и экономика, а то, что может повлиять на политику и экономику больше, чем все реформы, вместе взятые.

То, что раньше называлось бюрократическим термином «человеческий фактор», теперь определяют замысловатым словом «менталитет». То есть сущность человека, населяющего данную территорию, в частности российского человека. А сущность этой сущности – это, по-видимому, уровень отношения к человеку.

Реформирование менталитета – это, конечно, фантастика. Звучит слишком легкомысленно и несерьезно. Реформирование подразумевает хотя бы знание его метода. Каким образом не то что реформировать менталитет, а хотя бы подвинуть его на миллиметр в заданном направлении, точно не знает, наверное, никто. Так что не реформирование, конечно. Изменение менталитета – более неопределенно, но в то же время ближе к реальным возможностям. Существование такой идеи – может быть, это вообще вполне реально в настоящий момент. Может быть, только это и реально.

Для чего изменение? Есть несколько причин.

Наиболее поверхностная и заметная – явное несоответствие уже много раз сменившихся за последние несколько столетий политических и экономических реалий и застылости того, что составляет сущность человека, то есть его менталитета. А сущность менталитета – это отношение к человеку. Эта застылость не только существует, так сказать, «физически», но она и оправдана идеологически. Некая неписаная идеология окружает стеной молчания и обреченности столь таинственную вещь, как менталитет. То есть из этого, видимо, следует понимать, что менталитет – это своего рода неподвижное каменное изваяние, с которым невозможно сделать ничего, разве что разрушить вместе с человеком – его владельцем. Или это некая «священная корова», которую в принципе, может быть, и можно было бы сдвинуть с места, но не должно. В результате российский менталитет славится своей всепоглощаемостью, всеядностью, всеперевариваемостью. То есть он может поглотить и переварить, кажется, все что угодно, попавшее на его территорию, и превратить во что-то себе подобное, в себя. В том числе любые идеи, реформы, преобразования. Об этом свойстве российского менталитета существует такое нелестное мнение: в России какой бы строй ни устанавливали, все равно получается рабовладельческий. Вряд ли могут стать исключением из этого печального правила и современные реформы.

Впрочем, эта причина для существования идеи изменения менталитета – наиболее поверхностная и наименее существенная.

Более существенная причина – в том, что помимо этих меняющихся политических и экономических реалий меняется и возраст целого народа, также как отдельного человека. Менталитет отстает от возраста и не соответствует и ему тоже. Это все приводит к тому, что постаревший народ не выносит своего же собственного оставшегося прежним менталитета, который становится для него слишком тяжел.

Но самая существенная, главная причина – это несоответствие менталитета тому главному закону, по которому мы живем и который приняли 1000 лет назад, – христианству. Не только несоответствие, но и нестремление соответствовать тем требованиям, которые предъявляются к человеку (и обществу) этим законом.

Совпадение всех этих несоответствий делает менталитет современного российского человека главным препятствием всегда и везде – куда бы он ни шел и что бы он ни делал.

* * *

Что представляет собой менталитет российского человека? Или русского? Было бы точнее, наверное, сказать – российского, имея в виду, что это в основном русский менталитет и что он имеет свойство оказывать большое влияние на любого человека, находящегося на его (русского менталитета) территории.

Что представляет собой российский (русский) менталитет – это в основном хорошо известно, об этом написано и сказано очень много. Так много, что эту тему уже можно было бы считать закрытой или почти закрытой. Вот некоторые основные черты, делающие менталитет устаревшим и слишком тяжелым для современного российского человека.

Сущность менталитета – это отношение к человеку. Это главное качество, которое по своему значению превосходит все остальные, вместе взятые. Как известно, отношение к человеку (к личности) в российской действительности традиционно оставляет желать много лучшего. Хотя, возможно, бывает и хуже, например дальше на Восток: Китай, Корея и т. д. Но они не являются христианскими странами в отличие от России. Понятно, что, находясь между Западом и Востоком, Россия занимает промежуточное положение и по уровню отношения к человеку, по статусу личности в обществе. Однако принятое здесь в свое время христианство не может быть «промежуточным» или еще каким-нибудь особенным. Оно одно для всех, точнее, сущность его одна – это отношение к человеку (по которому определяется и отношение к Богу, и истинность веры в Бога); требования к человеку, содержащиеся в этой религии, – одни для всех. Их сущность – тоже отношение к человеку. Эти требования – своего рода закон для общества, принявшего христианство. Причем для всего общества, а не только для верующих, не только для церкви. Вот относительно этих требований, этого закона и можно сказать об отношении к человеку как об оставляющем желать много лучшего. Именно эта «система координат» имеется в виду прежде всего.

Можно найти для сравнения предмет более реальный и «земной» – Запад (имеется в виду прежде всего Западная Европа), менталитету которого свойственно несколько лучшее отношение к человеку по сравнению с российским менталитетом. Причины этого неясны. Невозможно это полностью объяснить лишь историческим опытом, который сам определяется менталитетом в большей степени, чем имеет возможность влиять на него. Но можно предположить, что не последнюю роль сыграли то огромное впечатление, которое в свое время произвело христианство на западноевропейские народы, и тот огромный исторический период так называемого «мрачного» Средневековья, который они прожили под этим впечатлением. Данный период означал для этих народов не только мрачность, но и

некий значительный опыт жизни под воздействием христианской идеи, своего рода школу, трудную школу, результатом которой стал западный человек в его современном виде. Пусть даже он оттолкнулся от этой школы и не отличается особенной религиозностью, но главный результат «обучения» – он сам, его современный менталитет, в котором преобладает этическая шкала ценностей, во главе которой находится скорее человек, чем что-то другое.

Российский менталитет не имел этого опыта, не прошел такой школы. Его опыт приобщения к христианству, возможно, был более мягким, без столь больших трудностей, но и результат как бы половинчатый. Свойственную современному менталитету шкалу ценностей можно было бы приблизительно назвать «эстетической» – во главе ее скорее что-то другое, чем человек.

Таким образом, и западноевропейскую цивилизацию от российской отличает не столько разница в возрасте, сколько наличие этой «школы». 800 лет, прожитых под огромным влиянием (и давлением) христианской идеи, – только такое сильнодействующее средство могло повлиять на менталитет западноевропейского человека, а не политические и экономические условия его жизни, которые являются в большей степени следствием, чем причиной характера менталитета. То есть эти 800 лет западноевропейский человек не просто существовал, а производил трудную работу по совершенствованию самого себя. Другой вопрос, насколько это было добровольно или принудительно.

Этот период, бывший в Европе и не бывший в таком виде в России, стал своего рода пропастью между ними либо сделал эту пропасть безнадежной или почти безнадежной. В России такого периода уже не может быть в принципе, да он был бы уже и бесполезен. Есть разница – начинать учить человека музыке или, например, спорту с 5 или с 50 лет. Поэтому не вполне понятна та легкость, с которой выдвигается лозунг (или идея) движения к Западу (или сближения с Западом). Двигаться (или сближаться) через пропасть? Экзотическое зрелище должно, по видимому, представлять собой и пресловутое прорубленное «окно в Европу». Окно, выходящее в пропасть? Поэтому же нет надежды на изменение менталитета автоматически, просто со временем. Просто со временем происходит само собой только старение. Одновременно уменьшается возможность влияния на менталитет экономических и политических факторов.

Таким образом, без изменения российского менталитета и, следовательно, воздействия на менталитет эта пропасть не может быть преодолена, а движение в направлении Запада – проблематично.

Особенно актуально это сравнение с Западом потому, что его экономические и политические модели в последнее время переносятся на российскую почву. Если предположить, что это перенесение является не самоцелью, а средством для достижения другого уровня жизни (тоже западного или близкого к нему), одно только это средство никогда не сможет обеспечить достижение этой цели. Это видно наглядно и не требует каких-либо доказательств. Невозможно, наверное, точно обозначить это соотношение: сколько в западном качестве жизни политических и экономических факторов, а сколько – человеческого фактора, то есть менталитета местного населения. Вполне возможно, что основная причина – в человеческом факторе, следствием которого являются другие факторы, в том числе экономиче-

ские и политические. Теоретически самым эффективным способом перенести на другую почву качество жизни является перенесение туда соответствующего менталитета, а не каких-либо других моделей. И хотя в реальности такое перенесение невозможно, но изменение менталитета хоть в какой-то степени и воздействие на него с целью этого изменения – почему бы и нет, если для этого есть существенные причины, о которых говорилось выше.

* * *

Другая черта российского менталитета – высокий уровень агрессивности, что свойственно народу молодому и растущему. Такой народ как бы может позволить себе такую роскошь – высокий уровень агрессивности, особенно если эта агрессивность направлена в большой степени на него же самого.

Еще лет 100–150 назад российский (точнее, русский) народ мог казаться молодым, а может быть, он и на самом деле таким был. Но сейчас, наверное, никто не мог бы назвать его молодым – после всех пережитых им в прошлом веке революций и войн, сталинской диктатуры и увлечения и обольщения коммунистической идеей. Конечно, это еще не старость, но и молодости тут уже нет. Однако от прежнего возраста остался прежний менталитет, вещь гораздо более инерционная, чем какие-либо другие обстоятельства жизни любого народа. Однако чем дальше, тем более явным становится, что этот менталитет стал слишком тяжелым для своего же владельца – российского человека. В последнее время это наглядно видно, например, по тому, что российское население понемногу постоянно вымирает, не выдерживая тяжести своего собственного менталитета. Считается, что оно вымирает от реформ так же, как раньше оно страдало от коммунизма, особенно во время сталинской диктатуры, а еще раньше, видимо, от царизма. Но сами по себе реформы – это проблема, которую российский человек должен был бы решать, а не падать под ее тяжестью, не вымирать. Так же как сама по себе такая эфемерная идея, как коммунизм, не способна на какие-либо масштабные разрушения. К ним могут привести реальные формы существования того и другого, которые зависят в основном от менталитета. Существующий слишком тяжелый для современного российского человека менталитет делает из реформ непосильную ношу, как сделал ее в свое время из коммунизма, как сделал бы ее из любой встретившейся на пути проблемы.

Соотношение «возраста» российского народа и его менталитета похоже на такую ситуацию, когда человек, в какой-то степени постарев, перейдя из молодости в другой возраст, все никак не может (или не хочет) отказаться от стиля жизни и сознания, свойственных молодому возрасту. В результате физический возраст (и соответствующие ему физические возможности) человека вступает в противоречие с невозможным и неприемлемым для него стилем его жизни и сознанием. К чему такое противоречие может привести в жизни человека, известно: физические и душевные болезни. Словом, физический ущерб.

Примерно к тому же самому – к физическому (и не только) ущербу – приводит противоречие между «постаревшим» физическим возрастом и оставшимся неизменным с незапамятных времен более молодым менталитетом российского народа. Таким образом, этот происходящий физический ущерб означает, что в данный

момент существует ситуация, когда надо выбирать – вымирать или изменяться качественно (то есть менять свой менталитет) хоть в какой-то степени. Потому что вымирание – это явный признак того, что народ (может быть, точнее сказать, население, живущее на данной территории) идет в неправильном направлении: в плане своего менталитета, а не политики или экономики. Не в том направлении, которое ему предназначено (судьбой, Богом – как угодно), следовательно – не выполняет своего предназначения. Ведь выполнение этого предназначения (каким бы конкретно оно ни было), во всяком случае, связано прежде всего с качеством самого человека, то есть с его менталитетом, а не с политическими и экономическими обстоятельствами его жизни. Невыполнение своего предназначения человеком или неким количеством людей (или даже целым народом) может приводить к каким угодно (по тяжести и неприятности) последствиям. Потому что, как это, может быть, ни жаль, не сама по себе жизнь (физическое существование на этом свете) человека или целого народа является самоцелью и абсолютной ценностью, а выполнение ими своего предназначения.

* * *

Еще одна отрицательная (или ставшая на сегодняшний день отрицательной) черта российского менталитета – «непрозрачность». Так можно обозначить его известную византийскую замысловатость, сложность и мифологичность. Можно то же самое назвать иначе и точнее – это свойственная российскому менталитету шкала ценностей с сильным эстетическим уклоном в ущерб этическим ценностям – то есть отношению к человеку, к личности. Эта эстетическая шкала ценностей является благоприятной почвой для появления и процветания различных мифов, сказок и экзотических идей, которые в свою очередь поддерживают ее (шкалы) существование. Этот замкнутый круг нужен для того, чтобы в системе ценностей, существующей в обществе, человек был неизменно отодвинут на второй план. В его собственном менталитете это копируется и выражается в низком уровне отношения к человеку, что составляет сущность его менталитета. Таким образом, этот вполне безобидный, на первый взгляд, эстетический уклон непосредственно связан с главным недостатком российского менталитета – низким уровнем отношения к человеку. На первом плане – нет, не государство, а некий монстр, который приблизительно можно назвать общественным сознанием (в российском варианте это почти то же самое, что общинное сознание), мифологизированный, внешне грандиозный, эстетически безупречный.

Приведу один из последних примеров этого. Из всех существовавших когда-либо или существующих в общественном сознании на российской почве мифов, сказок и сверхидей, наверное, самой выдающейся и эстетически безупречной была коммунистическая идея, ставшая на некоторое время национальной идеей. Как и другие существовавшие на российской почве сверхидеи, сказки и мифы, эта идея (сказка и миф) – коммунизм – еще раз выявила и подтвердила главную особенность и главный минус российского менталитета – низкий уровень отношения к человеку, без чего столь грандиозное заблуждение и обольщение было бы вообще невозможно. Это также характерный пример того, как эстетически ориентированный, по-византийски замысловатый российский менталитет позволяет искусно

скрывать эту главную черту и одновременно главную же причину многих несчастий за некой красивой и лживой витриной. Витрины со временем могут меняться и признаваться причиной всех бед, в то время как настоящая причина продолжает спокойно существовать, даже не названная.

Механизм такой подмены настоящей причины ложной особенно хорошо виден на примере коммунистической идеи (или идеи построения коммунизма), которая сама по себе очень далека от того, что реально существовало под ее вывеской, и в принципе не способна стать причиной каких-либо злодеяний. В своих истоках появившаяся много веков назад и отличающаяся большой живучестью идея социальной справедливости родственна христианству. Однако для ее реализации необходимо идти путем самосовершенствования. В отсутствие этого условия идея, сама по себе очень заманчивая, превратилась со временем в некий нереальный призрак (как точно было когда-то замечено), неспособный материализоваться. Эта идея может только использоваться в виде вывески на каком-либо политическом режиме, что и происходит в некоторых странах.

Для практического использования этой идеи, может быть, не так важно, какие это конкретно политические цели, служить которым она предназначена. Важнее собственно человеческое содержание, то есть менталитет, в свойствах которого кроется эта возможность. Кто может так серьезно и масштабно воспринять совершенно эфемерную идею строительства «земного рая»? Тот, кто обладает настолько неимоверной гордостью, чтобы «не заметить», что эта задача в принципе невыполнима одними только человеческими силами. «Не заметить», что такое чудо подвластно только Богу, да и Его самого «не заметить». В христианстве отношение к Богу – это отношение к человеку. Человек был как бы «незамечаем» всегда – это одно из основных свойств российского менталитета. Его всегда отодвигали на второй, третий, а может быть, десятый план какие-то другие вещи – например сверхидеи, из которых коммунистическая была самой выдающейся. И одновременно самым большим и дорогостоящим уроком. Уроком о том, как дорого и со временем все дороже обходится российскому человеку его собственный менталитет.

Чему-то этот урок должен служить и для чего-то он был дан. Во-первых, можно с большой долей вероятности предположить, что столь грандиозной и иллюзорной идеи на российской почве больше никогда не будет. Таких идей просто нет в природе. Во-вторых, крушение этой идеи и разочарование в ней были настолько масштабны, что они как бы скомпрометировали саму идею существования национальной идеи. Какой смысл в ее существовании, если это обязательно очередной миф или сказка? Простой серенькой правды или даже истины в последней инстанции здесь быть не может – таков жанр. Зато отсутствие национальной идеи (осознанное, а не потому что еще не придумана очередная сказка) было бы очень полезно – она не отвлекала бы на себя внимание и не мешала бы обратиться к более основательным ценностям и одновременно требованиям к человеку, данным ему религией. Таким образом, национальная идея – это промежуточное и лишнее звено между обществом и его настоящей, а не выдуманной идеологией. Настоящая идеология – это почти то же самое, что и существующая в этом обществе религия. По сравнению с ней любая национальная идея, претендующая стать идеологией, –

искусственная конструкция. Чем ее меньше, тем лучше видна и известна настоящая идеология, то есть религиозная идея.

* * *

Еще одно грандиозное сооружение, застывшее свет не меньше, чем любая национальная идея, – общинное сознание. Это дополнительный слой идеологии, существующий наряду с идеологией государства. Идеология государства как неизбежное зло существует между человеком и религией (человеком и Богом) в качестве неизбежного препятствия. И этого неизбежного зла как бы еще недостаточно, еще и общинное сознание выступает в той же роли и создает тем самым еще бóльшую преграду между человеком и религиозной идеей. Свое предназначение дополнительной меры подавления человека (или контроля его сознания и всей его жизни) оно выполняет. Но оно же и превращает его в вечного недоросля, неспособного к самостоятельной ответственности и самостоятельному выбору. Можно назвать это благообразно: «коллективизм» – и сказать, что это свойственно российскому (как полуазиатскому) менталитету. Но если это свойство противоречит требованиям христианства к человеку и мешает ему этим требованиям соответствовать и даже понять их, то благообразие этого свойства, его ценность и необходимость сомнительны. Христианство подразумевает личный выбор и личную ответственность каждого человека. И в то же время сущность христианства – это совершенствование отношения к человеку, к личности. И то и другое несовместимо с общинным сознанием. Что из этих двух несовместимых вещей должно измениться или исчезнуть? Сущность христианства не изменится и не исчезнет. Может исчезнуть только общинное сознание, и это в интересах российского человека, принадлежащего не только к своей стране и национальности (национальностям), но и к христианскому миру. Это означает, что сосуществование этих несовместимых вещей ведет к потерям для третьей стороны – для самого человека.

Кроме того, для остатков общинного сознания просто не осталось реальной основы. У него почти исчезла почва, на которой оно существовало долгое время, когда его существование было оправданно и, может быть, в какой-то степени эффективно. Сейчас его присутствие (или того, что от него осталось) в менталитете российского человека означает только слабость.

Возможно, это также и фактор времени, возраста российской цивилизации. То есть не только общинное сознание устарело для российского человека, но и человек устарел для него. Повзрослевшему возрасту должен соответствовать более высокий уровень ответственности. И одновременно – более близкий христианству, подразумевающему личный выбор человека и его личную ответственность за свой выбор.

Конечно, коллективизм (иначе говоря, соборность) – понятие, не чуждое христианству. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матф. 18:20). Но эта соборность имеет смысл, только если собираются люди во имя Бога, а не просто так. Значит, и сами люди должны быть такими, чтобы о них можно было сказать, что они действуют во имя Бога, а не просто занимают место под солнцем. Таким образом, их внутреннее содержание, их качество важнее, чем сама

по себе соборность. А качество определяется тем, насколько оно соответствует требованиям религии к человеку (заповедям).

* * *

Об этом соответствии нам приходится помнить, в отличие от стран и народов, не принадлежащих к христианскому миру. Однако и эти страны и народы не остаются без некоего идеологического (то есть, в сущности, религиозного) влияния под видом «вестернизации». Можно предположить, что это влияние является частью давно существующей в мировом масштабе тенденции к объединению, которая наиболее реально и наглядно выразилась в создании Европейского союза. Объединение – не значит завоевание, присоединение, создание империй. Это именно добровольное объединение стран, для которого необходима некая общая основа, и прежде всего идеологическая. Понятно, какая общая идеологическая основа у Европейского союза.

Но все возрастающее влияние Запада во всемирном масштабе позволяет предположить, что эта же самая основа стремится распространиться и на всех остальных. Конечно, это влияние не явно идеологическое. Его идеологическая (религиозная) сущность глубоко скрыта под большим слоем других вещей из области политики и экономики. Может быть, в какой-то степени скрыта она и от тех, кто это влияние оказывает, то есть у них другая «морковка перед носом». Так или иначе, но они способствуют осуществлению этой очень основательной и объективной тенденции к объединению. Эта тенденция настолько основательна и объективна, что можно сказать, осуществление ее как бы «гарантировано». Поэтому осуществлять кому бы то ни было какие-то шаги в этом направлении не очень трудно. Как плыть по течению.

Но при этом никому не гарантирована какая-то определенная роль в этом процессе. Поэтому актуален вопрос не об осуществлении самого этого процесса, а о роли в нем. Кем быть: неким одушевленным субъектом, осознанно и самостоятельно идущим в этом направлении, или неодушевленным предметом, который двигается посторонними усилиями? Это зависит от степени соответствия человека (например, российского) тому, что составляет сущность распространяемого влияния (или распространяемой общей, по существу, идеологической основы). Соответствия именно сущности, а не внешним атрибутам. Сущность – это требования к качеству самого человека, к тому, что он собой представляет, то есть к его менталитету.

Это еще одна причина – сегодняшняя, современная – для существования данной идеи – идеи о необходимости изменения менталитета.

При этом нужно заметить, что под словом «религия» подразумевается не та ограниченная область, некий загончик, где помещаются церковь и воцерковленные люди, – то есть то, что сейчас принято обозначать словом «религия». Религия (то есть связь человека с Богом) не может существовать в некой ограниченной области по определению. Просто уже прошел тот период времени (огромный период, измеряющийся веками), когда христианство преимущественно через церковь осуществляло тотальное влияние на общество, на человека. Этот период уже закончился во всем христианском мире. Результатом этого влияния стала не та огра-

ниченная область, называемая религией, а человек – такой, каким он стал в результате многовекового воздействия на него христианства. При этом он может ходить или не ходить в церковь, считать себя свободным или не свободным от религии. Это, может быть, теперь и не так важно, потому что религия уже существует в самом человеке, в его «составе» и его идеологии, в идеологии общества. Тем более что сущность религии (особенно христианства) – это не молитвы и не хождение в церковь, а отношение к человеку. От этого никто не может быть свободен. Таким образом, ответственность за соответствие требованиям, предъявляемым христианством, лежит на всем обществе, а не только на тех, кто считает себя верующими.

В то же время остальная (невоцерковленная), большая часть общества явно имеет идеологический (то есть, в сущности, религиозный) вакуум и пытается заполнить его как-нибудь, потому что никто не может быть полностью свободен от какой-либо идеологии (религии). Заполнить этот вакуум знакомым и привычным религиозным содержанием, но как бы переведенным на светский и современный язык, – один из способов воздействия на менталитет с целью его изменения. Основное содержание христианской идеи само по себе противоречит некоторым чертам российского менталитета (низкий уровень отношения к человеку, статичность, созерцательность, эстетический уклон в ущерб этическим ценностям) и может воздействовать на него для уменьшения влияния этих черт.

Перевести на светский и современный язык, то есть сделать близким и насыщенным для сегодняшней жизни каждого человека, можно все религиозное (христианское) содержание. Сущность его состоит в совершенствовании отношения к человеку. (Без выполнения этого требования и вера может быть недействительна.) Это абстрактное и, казалось бы, слишком общее требование в переводе на язык сегодняшней реальной и насыщенной жизни означает в первую очередь изменение шкалы ценностей, где человек (личность) традиционно и всеми способами отодвигается на второе, третье и более дальние места. Без перемещения его на первое место, несмотря на многовековую традицию, невозможно преодолеть пропасть между Россией и Западом в области менталитета (самой основной и влияющей области), а главное – невозможно выполнить основное требование, предъявляемое христианством, – улучшение отношения к человеку.

Выполнение этого требования имеет не только религиозное, но и вполне земное значение. Религия, в частности христианство, – это огромная возможность влияния на ситуацию, может быть, единственная настоящая возможность эффективного влияния. Но для того, чтобы иметь отношение к этой возможности, надо выполнять требования, предъявляемые к человеку христианством.

Те же самые, в сущности, требования к человеку существуют и в других наиболее распространенных религиях. Таким образом, на этом уровне не существует какой-то значительной разницы и непреодолимых преград между религиями. Поэтому распространение сущности христианства не в религиозной, а в идеологической (светской) форме актуально также и для тех, кто относится к другим религиозным традициям.

Это только один способ влияния на менталитет с целью его изменения. И это как бы способ воздействия «по-хорошему». Вероятно, существуют и способы воздействия «по-плохому», может быть, они даже и более эффективны. Всего же различных способов существует, возможно, большое количество. Но все их не знает, наверное, никто.

Кроме уже названного, можно обозначить еще два способа: само существование в общественном сознании этой идеи о необходимости изменения менталитета (это наиболее простое и реальное) и использование уже существующего опыта (западного). Менталитет западного человека, являясь тоже далеко не идеальным, как и российский, все-таки несколько больше соответствует требованиям того, что составляет основу идеологии западного мира, то есть христианства. Эти требования заключаются в основном в улучшении отношения к человеку. В менталитете, в общественном сознании западного человека это соответствие выражается в более высоком уровне отношения к человеку, к личности, которая находится если не на первом, то на более близком к первому месте в шкале ценностей по сравнению с российским менталитетом. Может быть, это оттого, что Западная Европа прошла больший по времени и качественно другой путь к этому соответствию. Как писал П. Я. Чаадаев, «они (западные народы. – *И. М.*) не лучше нас; но они опытнее нас» [Чаадаев 1989: 467].

Какова бы ни была эта разница, пусть хоть на миллиметр, но в любом случае стоило бы учесть этот опыт и в какой-то степени усвоить его – прежде всего опыт именно в этой области. Просто для того, чтобы не изобретать заново велосипед. Этот опыт – рационализм, индивидуализм, в большей степени «прозрачность» менталитета, преимущественно «этическая» шкала ценностей, где на первом или близком к первому месте находится человек. Это, наверное, более скучно, чем «непрозрачный», полный мифов, сказок, лжи, эстетически ориентированный российский менталитет, так как все эти мифы, сказки и ложь – красивы. Но для того, чтобы что-то приобрести, неизбежно приходится что-то потерять или избавиться от чего-то, как от иллюзий или от идолов.

Впрочем, это не значит создать теперь себе идола из Запада. Использование его опыта для собственной пользы – это всего лишь использование опыта, не более того. Учиться у кого-то, как все когда-нибудь учатся, используя чужие знания для собственного образования, – это не значит молиться на него же. Все мы изучаем, например, в школе математику или физику по учебникам, в которых излагаются веками добывавшиеся знания, но вовсе не обожествляем авторов этих учебников. Мы их, скорее всего, не замечаем и никогда потом не вспоминаем. Дело не в них самих, а в пользе, которую мы можем для себя извлечь из этого многовекового опыта.

Идея необходимости изменения менталитета и так уже «витают в воздухе» (об этом много говорят, в том числе в СМИ), но она еще не вполне осознана обществом. То есть мы давно уже поняли, что прежде всего происходит «разруха в головах», а потом уже во всей остальной жизни, но четко признаться самим себе, что что-то в себе нужно изменить, переделать, перевоспитать, еще не решаемся. Ведь

это означает, что нужно проделать большую работу. Но даже это трудное осознание – уже отчасти изменение, первый шаг на этом пути.

* * *

А путь этот обозначен уже давно, и идея «переделывания», «перевоспитания» российским обществом самого себя имеет глубокие корни в истории русской общественной мысли. Вот что об этом писал, в частности, П. Я. Чаадаев: «Необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение... Вот что я имел в виду, говоря о необходимости снова начать у нас воспитание человеческого рода» [Чаадаев 1989: 29].

Н. В. Гоголь в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» также призвал современное ему общество жить по-христиански, чтобы преодолеть множество проблем российской действительности. А для этого воспитать себя как христианина, то есть существенно измениться внутренне. Гоголь считал, что такие внутренние преобразования в российском обществе вполне возможны, называя русский народ «растопленным металлом»: «Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней» [Гоголь 1952: 417].

Н. А. Бердяев говорит уже более конкретно о том, что возрождение России «предполагает перевоспитание русского характера. Мы должны будем усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь русскими... Мировая роль России предполагает пробуждение в ней творческой активности человека... Россия должна пройти через религиозную эмансипацию личности» [Бердяев 2002: 268, 289, 290].

Еще более четко ставит задачу И. А. Ильин в книге, которая так и называется – «Наши задачи»: «России нужен *новый русский человек*: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя *по-новому, из нового духа, ради новых великих целей*... В этом главное. Делая это, мы строим *новую Россию*... Прежней России не будет. Будет *новая Россия*. По-прежнему Россия; но не прежняя, рухнувшая; а новая, обновленная, для которой опасности не будут опасны и катастрофы не будут страшны. И вот *к ней* мы должны готовиться; и *ее* мы должны готовить, – ковать в себе самих, во всех нас *новый русский дух*, по-прежнему *русский*, но не *прежний русский* (то есть больной, не укорененный, слабый, растерянный). И в этом *главное*...

России нужен *новый русский человек*, с обновленным – религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным – укладом...

Весь наш душевный уклад должен быть обновлен: в этой трагедии должен завязаться и окрепнуть *новый русский национальный характер*, укорененный во Христе, сердечный и волевой, достойный и прямой, без изворотливо-лживой хитрости и с живым чувством духовного ранга. В русской душе должен быть *преодолен раб*; в ней должно начаться новое *гражданственно-свободное правосознание*» [Ильин 1993: 160, 163, 199].

Здесь следует заметить, что в русской душе должен быть преодолен не только и не столько раб, которого там, может быть, и не было никогда, сколько рабовла-

делец. Наверное, чем дальше, тем это становится яснее всем. Не было бы тех, кто стремится стать рабовладельцами, – не было бы и тех, кого, пользуясь обстоятельствами, превращают в рабов.

И. А. Ильин также писал: «Мы должны вырабатывать – *каждый самостоятельно, для себя и про себя, мыслью своего сердца* – те убеждения, на которых следует строить грядущую Россию... Возрождение России требует от нас именно таких *лично-самостоятельных, религиозно-укорененных, волевых убеждений*. Их нельзя взять у другого; их можно выработать *только самому*. Это не развлечение; это духовный труд» [Ильин 1993: 351].

Как можно заметить, философы разных эпох со временем все более определенно формулировали, в сущности, задачу возрождения человека, изменения его внутренних качеств, а значит, говоря современным языком, – изменения менталитета.

Литература

Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 2002. (Berdyayev N. A. Philosophy of Freedom. Moscow, 2002).

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. VIII. М. : Изд-во АН СССР, 1952. (Gogol' N. V. Complete collection of works: in 14 vols. Vol. 8. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1952).

Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М. : Русская книга, 1993. (Ilyin I. A. Collection of works: in 10 vols. Vol. 2. Book 1. Moscow: Russian book, 1993).

Чаадаев, П. Я. Соч. М. : Правда, 1989. (Chaadaev P. Ya. Collection of works. Moscow: Pravda, 1989).